

СЕРГЕЙ МИНАЕВ

МИХАЕВ LIVE

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление —
Андрея Фереца

Минаев, Сергей.

М61 Минаев Live : [публицистика] / Сергей Минаев. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Бестселлеры Сергея Минаева).

ISBN 978-5-17-077947-5

Минаев Live – современное интернет-шоу писателя. Сто двадцать выпусков лучшей программы из тех, что за семь лет были в эфире. Выпуски, которые стали видеоисторией главных событий страны в 2011–2012 годах. Разнообразные темы для обсуждения с участием известных личностей.

«Минаев Live» — сборник, в который вошли двадцать самых знаковых и эксклюзивных интервью.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-077947-5

© Минаев С.С.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

В декабре 2010 года я валялся на пляже острова Бали и обсуждал со своим приятелем Сергеем Комаровым телевидение будущего. Мы пили виски и рассуждали о том, как было бы здорово совместить открытость соцсетей типа вконтакте и красивую телевизионную картинку.

— Приходит к тебе в студию, например, Евгений Чичваркин, и ты говоришь с ним про его неформальный стиль управления «Евросетью». Про то, как он работникам рассылал письма, написанные не всегда цензурным языком. Он тебе рассказывает что-то, а зрители в это время комментарии пишут, которые тут же выводятся на экран, — мечтает один из нас.

— А в какой-то момент в прямой эфир, по скайпу, выходит уволенный им сотрудник и говорит ему: «Слушай, ну ты и урод!» — соглашается другой.

— А вы с гостем сидите перед камерами и мониторами и виски пьете, — говорит кто-то третий. Хотя вполне вероятно, что никакого третьего в тот момент не было, просто было много виски, солнца и шума волн вокруг.

Такого на телевидении еще не случилось. Сама мысль о том, что в студию будут приходиться известные люди, пропускать по стакану и расслабленно вести задушевные разговоры, рискуя тем, что в любой момент в эфир может ворваться по видеосвязи самый непредсказуемый зритель, казалась утопичной. Настолько, что ее пришлось реализовать...

На первую программу было сложно кого-то заманить. Наши «селебрити» к такому формату не привыкли. Они боялись его, не знали, как в нем себя вести, а главное — не понимали, чем может закончиться столкновение в прямом эфире с рядовым зрителем.

Здесь нам безумно помог Никита Сергеевич Михалков, не побоявшийся прийти в первый эфир, чтобы почти полтора часа говорить о мигалке и «Цитадели», главных на тот момент темах скандала в рунете. Через час после выхода в эфир программа стала главным трендом социальных сетей. Через месяц нас осаждали звонками продюсеры и пресс-секретари, предлагавшие взять интервью у своих подопечных. В канун выборов в Госдуму на *Минаев Live* один за другим пришли лидеры всех партий, что совсем недавно казалось просто невозможным.

Я выходил в эфир каждую неделю, по вторникам и четвергам, встречая главных героев недели. Работали натурально по формуле «Утром в газете — вечером в куплете». Очень часто гость, сделавший резкое заявление или ставший участником громкого скандала, оказывался в моей студии буквально через пару часов после происшествия.

Так вышло, что выпуски *Минаев Live* стали видеоисторией главных событий страны в 2011–2012 годах. Мы сделали прямые трансляции всех митингов, поговорили с главными политиками и основными музыкантами, звездами кино и телевидения. наших корреспондентов били на улице, нам звонили с угрозами, на наш сайт устраивали DDOS-атаки, ломая прямые эфиры. Это было дико круто.

В этот сборник вошли самые знаковые из ста двадцати интервью *Минаев Live*. Ста двадцати выпусков лучшей программы из тех, что за семь лет я делал в эфире.

Мне повезло быть частью самой крутой команды на свете, сделавшей из разговора на пляже главное интерактивное телешоу страны. СПАСИБО ВАМ, ДРУЗЬЯ:

Анатолий Тупицын,
Петр Гуленко,
Сергей Костенков.

И главное спасибо — тем, кто смотрел нас все это время. Это было ваше шоу.

Михаил Веллер.doc>

**Любимый писатель пришел в гости к читателю.
Мы часа два не могли остановиться.**

Минаев. Перед началом эфира читал интервью Веллера «Эху Москвы». Вообще дискуссия о национализме всегда очень странная, особенно на «Эхе Москвы»... Сегодня открываю журнал «Большой город», там тоже статья на весь разворот — о том, что «Русский марш» — это плохо, и так далее и тому подобное. Все-таки, из первых уст, национализм — это что такое в России?

Веллер. Голодать — это плохо, когда человек умирает с голоду. А когда он умирает от ожирения, то голодать — это хорошо. Социализм — это плохо, если все закоснело. А когда хищники грабят всех кого можно, то больше социализма — это хорошо. Ничто не хорошо само по себе, все зависит от ситуаций и пропорций. Когда в стране господствует национализм, шовинизм, фашизм и только так все устроено, тогда это плохо. А когда вообще даже наоборот и народ топчут ногами и не дают поднять головы, тогда национализм — это хорошо. Потому что между на-

ционализмом и патриотизмом жесткую карандашную, бритвенную линию провести нельзя. В 1941 году, в июне — июле, по инерции первой недели, товарищи политруки продолжали говорить, что мы воюем не против немцев, но против фашистов, а немцы — великий народ, народ Шиллера и Гёте.

Прошло полгода, поняли, что дело плохо, что судьба страны висит на волоске, что нужно включать все механизмы, и включили не просто патриотизм — включили самый жесткий шовинизм. Все немецкое смешивалось с дерьмом, немцы — тупые свиньи, немцы — завоеватели, жлобы, идиоты и т. д., а все наше — самое отличное, осененное славой Суворова, Нахимова и Ушакова. Когда с разгону в 1944—1945-м стали входить на немецкую территорию, понеслось такое, что пришлось проводить показательные расстрелы, потому что от немецкого населения сплошь и рядом пух и перья летели. Так вот, любой национализм хорош, пока он патриотизм. Когда он превращается в шовинизм, уничтожающий другие народы, это, наверное, очень плохо. На мой взгляд, сегодня в России о русском шовинизме, уничтожающем другие народы, речи нет. Сегодня, к сожалению, есть крен в обратную сторону. Системообразующий народ, который своей культурой создал эту великую страну, сплошь и рядом подвергается унижениям, и эти унижения, ему объясняют, нужно проглатывать с толерантностью. Разумеется, это плохо.

Минаев. А если бы не было Манежки, парень, который убил болельщика, получил бы двадцать лет?

Веллер. Нет. Я уже говорил на «Эхе», и это понятно любому нормальному человеку: ребята из отделения милиции, отпустившие компанию, которая убила, должны си-

деть на скамье подсудимых. Это они провоцируют национальную рознь. Они совершили должностное преступление: отпустили людей, которых обязаны были задержать, сделали это за деньги или из личной любви к ним...

Минаев. Это нас не интересует.

Веллер. Совершенно верно. Если бы они их сразу закрыли, вероятнее всего, Манежки бы не было.

Минаев. До этого были Патриаршие пруды, было еще одно убийство в Питере, начинались рассказы, что у преступности нет национальности...

Веллер. Есть.

Минаев. ...Она есть. Если бы людей на Манежке жесточайшим образом смяли, в следующий раз они пошли бы линчевать полицейские участки.

Веллер. Запросто. Дело в том, что до этого была еще Сагра. Если бы Евгений Ройзман не поднял там народ, в результате осудили бы тех, кто защищался, того, кто убил бандита, а не бандитов, которые хотели буквально вырезать эту деревню. До этого была Кондопога, которую замяли как могли. Представьте себе, что аналогичная Кондопога в зеркальном варианте происходила бы на территории Чечни или в Дагестане.

Минаев. Это невозможно представить. У меня такой вопрос. Я хорошо понимаю и даже знаю ребят, которые выходили на «Русские марши», или тех, которые не выходили, но знают, что там происходит. Они сидят в спальных районах Москвы, работа у них либо низкооплачиваемая, либо ее нет вовсе, понятно, что диаспорально районы уже им не принадлежат: у нас уже говорят, что Люблино — район той диаспоры, а Кузьминки — вот той. И так далее. Они начинают чувствовать себя чужими в своем городе. Мне непонятно с точки зрения государ-

ственной политики: что с этим делать? Потому что патриотизм — это в данном случае борьба за улицу, которая тебе не принадлежит, правильно? Ты либо должен на марш выходить, либо тебе скажут: «Не, парень, не надо маршей, потому что это драка, — вот тебе партия националистов, иди и поддерживай». Но ведь нет и этого. Что государство должно делать?

Веллер. Какое-то время назад в доме, в котором я живу, поселилась семья мусульман. Тихие, спокойные, чистые люди, дай им бог здоровья. Но вот я вхожу в подъезд, там две девочки в черных платках и черных до пола юбках. Я с ними здороваюсь рефлексивно, а они молча отводят глаза. Я понимаю, что это не из чувства неприязни, — им нельзя. Недавно вхожу в подъезд, а там одна из девочек обвешана всякими покупками. Я открываю лифт и говорю ей: «Заходите». Она понимает, что отвернуться будет невежливо и отвечает: «Мне нельзя ехать с мужчиной». Она это вежливо сказала, но мне немного неприятно, потому что это некий чужой образ жизни. Его можно уважать, можно принимать, но в ментальности, принятой здесь, это до крайности невежливо и провоцирует неприязнь. Это столкновение двух ментальностей.

Минаев. И как она должна себя вести? Она должна ехать в лифте и вести себя как европейка? Переступить через свои каноны?

Веллер. Я подозреваю, что да. Потому что нельзя жить в одной культуре и вести себя так, как принято в другой культуре. Ты невольно провоцируешь рознь. Ты невольно подаешь сигнал: «Я чужой. Я не такой, как ты. Я живу по другим законам». При этом ты можешь быть прекрасным человеком, честным, работающим.

Минаев. ...Отец этой девочки работает на рынке, у него четыре палатки, а родственника их отмазали за деньги, и об этом во дворе ходят слухи, — вот тебе вторая Манежка.

Веллер. Может, ее папа работает слесарем, водителем, это не имеет никакого значения. Но эта манера поведения провоцирует в людях отрицательные чувства, над которыми они не властны. Старинное: «Не ходи со своим уставом в чужой монастырь».

Минаев. Ровно то, что я никогда не мог понять. Что значит политика мультикультуры? Когда ты приезжаешь за границу, ты изучаешь поведение людей, стараешься подстроиться, чтобы не выделяться и соответствовать принятым здесь нормам. Но как я могу прийти и сказать, что я буду себя вести по-другому, потому что у нас так принято? Я же не у себя, я в гости приехал.

Веллер. Давно-давно, при Советском Союзе, когда мне было тридцать лет, мой первый рассказ напечатали в журнале «Литературная Армения». Я сначала доехал до Баку, там меня принимали ребята из местной газеты, и они мне сказали: «Ты на девочек так не смотри». Я говорю: «Как так?» Я им не подмигивал, не делал никаких жестов. Ну да, смотрел, но ведь лето, девушки легко одеты! «У нас так не принято. У тебя могут быть неприятности». Мне объяснили, что за это могут хорошо «отovarить», потому что «не принято». То, что в Ленинграде не более чем нормально, в Баку может быть воспринято как хамство, наглость, посягательство и так далее. Везде свои привычки. Когда впервые попал за границу, в Финляндию, я был потрясен тем, что там никакая толпа не толкается. Ну не принято! После этого я сам стал смотреть, чтобы самому не толкаться, хотя в очереди в Ленинграде...

Минаев. Дайте нам скайп. Анатолий, ты в прямом эфире.

Анатолий. Меня волнует вопрос, на какие средства организовываются «Русские марши»?

Веллер. Вот этого я, первое, не знаю. Второе, никогда не думал. Третье, я не понимаю, зачем здесь нужны средства? Когда-то, когда учился в школе, я ходил на демонстрации, потом бросил. На какие средства они были организованы? Люди собирались и шли. За то, чтобы пройти пешком, деньги за билет платить не надо. Не думаю, что здесь есть материальная подоплека, особенно в наше интернетное время, когда собрать людей не сложно.

Минаев. Михаил Иосифович, а национализм или патриотизм должен как-то отражаться в государственной политике сегодня, когда нет войны, нет очевидного врага? Он должен уходить в партийную систему или государство должно говорить, что мы живем в одной культуре и не должны от нее уходить? Как это должно происходить, по-вашему?

Веллер. Я думаю, что этого не должно происходить. Я думаю, что нужно жить по уму, по совести, по справедливости, тогда не нужно будет ничего придумывать специально. Потому что если был Герой Советского Союза летчик Ахметхан Султан, то не нужно доказывать, что татары тоже хорошо воевали. Это само собой разумеется. Татары всегда хорошо воевали. Это относится очень много к чему. Царское правительство и войска, взяв в плен, отнесли к Шамилю с полным почтением, они уважали его бойцовские качества, его несгибаемый дух, его собственный, своего народа патриотизм. Так можно уважать сильного и достойного

врага, особенно когда он перестал быть врагом в силу твоей силы.

Минаев. А если бы чеченцы взяли тогда же или позже в плен Барятинского, они бы так же к нему отнеслись?

Веллер. Думаю, что нет. Немного другие расклады. Но в традиции горских народов, в традиции боевых народов уважать врага. Убить, но уважать.

Минаев. Дайте скайп еще. Виктор, ты в прямом эфире.

Виктор. Михаил, вы не раз заявляли, что отдали бы Курилы и Калининград. Как человек, считающий себя патриотом, может так разбазаривать территорию?

Веллер. К сожалению, территорией России благополучно перестал быть город и порт Севастополь, перестал быть город и порт Одесса, перестали быть Полоцк, Витебск и Орша, перестали быть Харьков, Днепропетровск и Запорожье. Много что перестало быть. В этих условиях следует думать о том, что будет дальше. В том случае, если бы в перспективе мы могли удержать Курилы и Калининградскую область, речь об их отдаче, я полагаю, и не должна была бы идти. Следует отдавать себе отчет в том, что государство сегодня не является сильным. Государство не крепчает. Следует отдавать себе отчет в том, что не будет народа, которым можно будет держать Сибирь, Приморье и Дальний Восток. Следует отдавать себе отчет, что реально Калининградская область уже сегодня ориентирована на Европу, а не на Россию. Таким образом, к сожалению, если мы стрелки прокрутим на двадцать пять лет вперед, это области уже потерянные и отломившиеся. Как бы нам это ни не нравилось. Я говорил о том, что пока можно отдать с пользой для страны, народа и государства, пока можно отдать самим

и с каким-то смыслом, следует это делать, иначе оно пойдет само и без всякого смысла.

Минаев. А как можно отдать Курилы с пользой для страны?

Веллер. Я боюсь, сегодня воровство достигло такого совершенства, что уже нельзя. Если бы речь шла о 1995—1997 годе, было бы полегче, потому что, по моему разумению, следовало создавать японские концессии на Дальнем Востоке и в Приморье, чтобы они конкурировали с китайцами. Японцы и китайцы друг друга исторически не переваривают. А еще отдать концессии южным корейцам, которые не переваривают взаимно японцев и с китайцами тоже не очень, чтобы они конкурировали друг с другом и за решением конфликтов обращались в Москву в обмен на технологии и кредиты. Потому что сейчас Курильские острова являются и будут продолжать являться в обозримом будущем убыточными. Китай прибирает себе Приморье явочным порядком, и мы продолжаем терять этот регион без всяких для себя перспектив.

Минаев. Вы сказали про стрелки, которые можно прокрутить на двадцать пять лет вперед. А что тогда останется от страны? Если мы теряем Калининград, Курилы, потом Приморье. А дальше что?

Веллер. Здесь вот такая горестная история. Если что-то объективно должно произойти, оно раньше или позже произойдет. Россия, как справедливо замечено наверху, является сырьевой супердержавой, и людям, которые держат сырьевые монополии, которые являются фактическими владельцами регионов, где добываются нефть, газ, медь, никель, лес, пушнина, этим людям абсолютно экономически невыгодно кормить большую